

Многоуважаемые члены редакции!

Проживая вот уже 5 лет в Германии, я тем не менее по-прежнему состою членом общественной организации «Институт Петербурга», работаю для нее и с неослабевающим интересом читаю и использую в работе ваш журнал.

В архиве моего отца, Владимира Яковлевича Ионаса (22.VIII. 1900 – 07.XI. 1988), который находится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки и рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома), среди других материалов хранятся воспоминания «Немецкая школа», которые я и хочу предложить вашему вниманию.

Пользуясь правами дочери, а также будучи редактором по профессии, я немного сократила рукопись, а также минимально отредактировала.

Мой отец, Владимир Яковлевич Ионас, всю свою долгую жизнь был, что называется, человеком письменного стола. Работая много лет на скромной должности юриконсультанта ленинградских предприятий, он был занят в основном духовной – философской и литературной – внутренней работой. В составе его архива: драматическая поэма «Фауст против Мефистофеля», над которой Владимир Яковлевич работал более 30 лет (1943–1975); сборник стихов «В поисках истины»; биографические работы «Философия одной жизни. Исповедь», «1941 год. Военная хроника»; мемуарные очерки «Немецкая школа», «Коммунальная квартира», «Три встречи с Андреем Белым», «А. И. Цветаева. Встречи. Переписка. Оценка личности» (1980. Опубликовано в журнале «Грани». 2001. № 198–199) и др.

Папа родился в семье петербургского провизора. С 1909 по 1917 год учился в немецкой школе St. Katharinen Schule, получил среднее образование в гимназии К. Мая. Учился на историко-филологическом и философском факультетах (в семинаре проф. Н. О. Лосского) Петроградского университета, закончил правовое отделение факультета общественных наук в 1924 году. Участник Великой Отечественной войны. Всю жизнь писал стихи – в основном философского содержания. В 1954 году защитил кандидатскую, а в 1966 году – докторскую диссертацию, посвященную вопросам авторского права. С 1958 года преподавал право. Автор многочисленных правовых статей и книги «Критерий творчества в авторском праве и судебной практике» (М.: Юрид. лит., 1963).

Воспоминания о St. Katharinen Schule были закончены в 1984 году, а через 4 года отца не стало. Он был одновременно человеком и старой культуры, и советского времени – следы такой двойственности можно найти во всех его работах.

Н. В. Скворцова

Немецкая школа

Очерк

В. Я. Ионас

Мне было пять лет, когда родители начали готовить меня к поступлению в немецкую школу. В то время в Петербурге было четыре немецкие школы, принадлежащие лютеранской церковной общине: St. Katharinen Schule, St. Petrischule, Annenschule и Reformierte Schule. В этих школах преподавание всех предметов (исключая, конечно, русский язык) велось на немецком языке. Я должен был поступить в первую – Екатерининскую школу, помещавшуюся в д. № 55 по Большому проспекту Васильевского острова, где в данное время находится Василеостровский районный комитет КПСС¹.

Была приглашена учительница немецкого языка – Ядвига Николаевна Дааль. Она приходила к нам на полдня, вела с нами – со мной и моими сестрами – разговоры и игры на немецком языке, водила

нас на прогулку в Румянцевский сквер, что на Университетской набережной. В то время его чаще называли Соловьевским садом по названию выходявшего к нему Соловьевского переулка, ныне переулка Репина.

Фройлейн Дааль распевала с нами немецкие песни, которые и ныне поются в Германии: «Schlaf, Püppchen, schlaft, ihr habt dazu noch Zeit» и другие. В особенности запомнилась мне мелодичная рождественская песня «O, Tannenbaum, o Tannenbaum, wie grün sind deine Zweige», которая и ныне поется в Германии, как она пелась в середине прошлого века* на рождественских праздниках в доме Будденброков (Томаса Манна) и еще задолго до этого в других немецких домах.

Года через два Ядвигу Николаевну сменила ревельская немка из евреек Fräulein Wolff – Фанни Александровна Вольф. Она поселилась у нас в доме в качестве гувернантки и стала членом нашей семьи до 1913 года включительно. Фройлейн Вольф подготовила меня к экзаменам по русскому, немецкому языкам и арифметике в старший подготовительный класс. В училище было два подготовительных класса – младший (A-Klasse) и старший (B-Klasse). В младший принимали детей с нулевой подготовкой, а в старший приходилось сдавать экзамены по трем предметам.

По действовавшему тогда закону число евреев, поступавших в средние и высшие учебные заведе-

* Имеется в виду XIX в. – *Ред.*

ния, не могло превышать трех процентов от общего числа принимаемых, поэтому практиковался конкурс. Как правило, немецкая школа набирала детей из состоятельных слоев населения, из семей фабрикантов, владельцев магазинов, интеллигенции. Стоимость обучения составляла 136 руб. 40 к. в год. За первую четверть года взнос был равен 36 руб. 20 к., за вторую – 35 руб. за третью – 35 руб. 20 к. и за четвертую – 30 рублям. Одновременно со мной был допущен к экзаменам сын синагогального служки – «шамеса» по-еврейски. Это была крайне бедная многодетная семья, где высоко чтили имя Л. Н. Толстого и плакали при получении известия о его смерти. Звали мальчика Данскер Соломон Моисеевич, или просто Сёма. Ему предоставили вакансию стипендиата, т. к. родители не имели средств для оплаты обучения сына. Сёма был гоним в классе за его бедность, и ему было суждено стать моим любимым товарищем и другом на всю жизнь. Его уже нет в живых, этого благородного человека, а в книжном шкафу у меня все еще хранится книга «Reineke Fuchs», которую он подарил мне бог знает на какие средства. На титульном листе детским почерком написано: «На память дорогому товарищу от С. Данскера. Вековечный товарищ». Это было в 1912 году.

Весной 1908 года Сёма и я благополучно выдержали экзамены, и осенью того же года оба мы, самые маленькие в классе, уже сидели за одной партой в первом ряду. Помню чувство гордости, с которым я надел на спину ранец. А в Соловьевском саду, куда фройлейн Вольф продолжала водить меня и сестер, меня спрашивали: «Ты екатерининец?». В свою очередь я спрашивал: «Откуда ты знаешь?». Дело в том, что учеников Екатерининского училища выдавала одежда: мы не носили формы гимназии или реального училища, кроме того, одеты были лучше других. Однако озорники дразнили нас распространенной в то время дразнилкой: «приготовишки – мокрые штанишки». Это было недалеко от истины, т. к. за три года до поступления в подготовительный класс я вернулся из Соловьевского сада домой с мокрыми

7-я линия Васильевского острова, 36, – здание, построенное на месте, где прежде находился дом семьи Ионасов

штанишками. А так как авария случилась на нижнем этаже лестницы, которая вела к нашей квартире в третьем этаже, то фройлейн Дааль дала мне дома тряпку и велела вытереть лужицы на всех пострадавших ступенях лестницы.

Школа начинается с вестибюля

Когда вы, придя утром в школу, отворяли тяжелую сводчатую дубовую входную дверь и оказывались в вестибюле, вы сначала спускались в подвал, где находился гардероб, а затем подымались на один лестничный марш, от которого влево и вправо вели коридоры: левый в подготовительные классы, а правый к кабинету директора, в канцелярию, в зал для уроков пения (Gesangsaal) и к лестнице в другие классы, расположенные на верхних этажах. На перилах лестницы были набиты металлические шишки, чтобы школьники не съезжали с них.

Так вот, когда вы утром входили в вестибюль, то наверху лестничного марша стоял наподобие запомнившегося мне памятника круглый школьный инспектор, он же преподаватель географии в 1-м и 2-м классах. Звали его Коппэ (Herr Koppe). В левой руке он держал записную книжку, в правой – карандаш и записывал фамилии учеников, опоздавших явиться к началу занятий – 9 часам. Число

опоздавших по неуважительной причине, так же как и число уроков, пропущенных по болезни, отмечалось в четверти (Zensur).

На площадке лестничного марша был вывешен на стене небольшой шкафчик, где за стеклом под замком хранились потерянные школьниками мелкие предметы: перочинные ножи (до которых я был большой охотник), стиральные резинки, точилки для карандашей и т. п.

Приготовительный класс

Учитель занимал место в классе не за столиком, как теперь, а на кафедре. В начале урока первый ученик – так называемый Primus («примус») подносил учителю вставку с пером (теперь говорят «ручку») и список учеников, не явившихся на урок. Примусом значался ученик самого примерного поведения, успевающий в учении. В нашем подготовительном классе эти обязанности исполнял сын пастора Sickard (Сиккар). Я запомнил его на всю жизнь, тогда как внешность других учеников (кроме Данскера) изгладилась из моей памяти. Сиккар представлял собой хрестоматийный образец с врезавшимся в мою память елейным выражением лица. Когда он, чуть склонив голову на бок, направлялся со своими атрибутами к ка-

федре учителя, казалось, с его лица потечет сахарный сироп. В классе он держался особняком. Как-то я попросил его помочь мне в каком-то уроке, но он тоном проповедника сказал мне, что я должен уметь учиться сам. Этот тон я до сих пор не могу забыть. Из темноты далекого прошлого образ этого немецкого мальчика, этого пастора и пастьера *in futuro*², стоит в моем воспоминании как печальный символ немца, недостойного своей великой нации.

Преподавание в классе вели три учителя: два немца и один русский. Herr Ohre (Орэ), добродушный, немного грузный немец, преподавал арифметику. Не помню случая, чтобы он повысил на ученика голос или пригрозил ему чем-нибудь. Когда мальчики становились на утреннюю молитву в большом рекреационном зале (т. н. Aula), выстаиваясь по рядам и держа в руках молитвенники (Kernlieder), Орэ садился за фисгармонию и по окончании проповеди пастора (Rheintal, Busch) сопровождал хор мальчиков церковной мелодией.

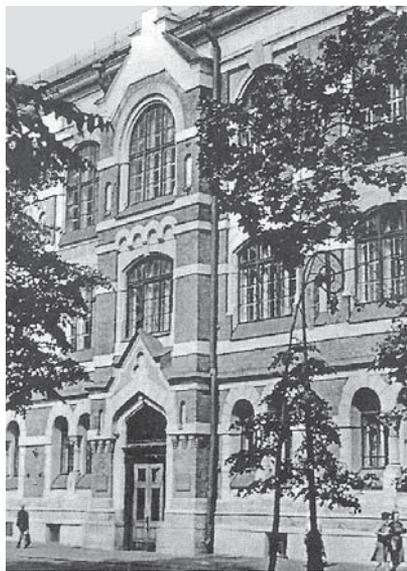
Немецкий язык преподавал желчный злой старик Krogsep (Крогсен). Я ни разу не видел улыбки на его лице. Строгость его пугала учеников и особенно меня. Преподавание немецкого языка велось методом *Ausschauungsunterricht*, т. е. с помощью наглядных пособий: разворачивался и вешался на классную доску рулон коленкора с нарисованным на нем пейзажем и людьми за разными занятиями, ученик по-немецки рассказывал, что он видит.

Учителем русского языка, который мы изучали по учебнику «Русская речь», был Новоуспенский. В то время он мне казался строгим. Теперь же, вспоминая его, я отношу это впечатление за счет его зычного голоса и чуть грубоватой манеры разговора, которые очень меня смущали, когда я заслужил какое-то замечание с его стороны. Воспроизводя в памяти его интонации, я понимаю, что это замечание не было угрожающим, а дело заключалось в моей застенчивости. Однажды Новоуспенский спросил меня в классе: «У твоего отца в аптекарском магазине продаются градусники?» Я поведал об

этом отцу, который на следующий день дал мне с собой корзинку, наполненную градусниками, запретив мне брать от учителя деньги. Когда я, подобно коробейнику, раскрыл на парте свой товар, то Новоуспенский в присущей ему грубоватой манере громко отчитал меня перед классом: «Ну вот, ты бы еще весь магазин сюда притащил», однако градусник себе выбрал к удовольствию моего отца.

В приготовительном, как и в других классах, назначался дежурный (Ordner), в обязанности которого вменялось, между прочим, ежедневно заполнять на имя отсутствующих по болезни учеников т. н. *Aufgabenzettel*, т. е. рапортички, отпечатанные в типографии, куда дежурный вписывал фамилию отсутствующего ученика и перечень заданных на завтра уроков. Эти рапортички хранились в специальном висячем шкафчике на стене вестибюля. Гувернантки, бонны, горничные или родственники больного приходили за ними по окончании уроков.

Выше я упомянул о зале для пения. В младших классах мы учились пению и рисованию. Пению нас учил добрый старик Gesselbard. Он носил большую седую бороду. Гессельбард учил нас сольфеджио и был доволен моим слухом, я был у него в первых учениках. Иначе дело обстояло с рисованием, которое нам преподавал русский человек с немецкой фамилией Шульц.

Здание бывшей Екатерининской немецкой школы

Рисовали мы в особом зале (он же служил для химических и физических опытов). Мы срисовывали орнаменты, вазы, гипсовые фигуры. Я удивлялся, как это другим ученикам удается так верно передавать оригинал, чего мне никак не удавалось сделать. Шульц был деликатный, добрый человек, этим ученики злоупотребляли, мешая ему на уроках. Когда Шульц заболел (1913 г.) и слег в больницу, Сёма и я оказались единственными учениками, навестившими его.

Дисциплина. Меры поощрения

Обращение к учителям и даже к служителю школы, небольшого роста человеку, потерявшему руку на Русско-японской войне, имело определенную форму: господин учитель, господин служитель (Herr Lehrer, Herr Schuldiener). Допускалось обращение по фамилии учителя: господин такой-то. Как правило, между учителями и учениками существовало холодное расстояние, это относилось преимущественно к учителям немецкого происхождения. Учителя носили вицмундиры в виде темно-синих сюртуков с медными пуговицами. Эта форма, как мне казалось, своей официальностью создавала расстояние между учеником и учителем, она же как-то влияла и на поддержание дисциплины, символизируя власть. А власть была. Ведь в то время, о котором я пишу, скомпрометировавший себя неисправимый ученик подвергался остракизму – исключению из школы. Мера эта была устрашающей и эффективной, т. к. социальная психология тогда была иной, чем теперь, и отсутствие образования резко сказывалось на общественном положении человека и возможности добиться успеха в жизни.

Какова же была в классе дисциплина? Я не помню ни одного эксцесса на уроке за исключением поведения мальчика Вейса. Он был не вполне нормальным ребенком. Будучи во время урока удален из класса за ненадлежащее поведение, он бегал по коридору и трубил, подражая паровозу. За его отклонения от нормы в классе его не любили и издевались над ним: «Вейс вор, украл топор, полез в окно, упал в...». Антисемитизма в классе не

было, учителя в школе были тоже безупречны на этот счет. Я не говорю о единичных антисемитских выходках по отношению ко мне со стороны учеников других классов.

Наказания учеников сводились к наложению взысканий, которые записывались в дневнике ученика, обязанного представить учителю подпись родителей в дневнике. За проступки были предусмотрены три вида взысканий, которые записывались в дневник и в классный журнал. Это, во-первых, Rüge, во-вторых – Tadel, а в-третьих – Nachsitzen. Слова Rüge и Tadel переводятся в словаре одинаково: порицание и выговор; в действительности «тадель» был много строже, чем «рюге» и назначался за наиболее тяжелые провинности. Достаточно сказать, что ученику, получившему в году три «таделя», угрожало исключение из школы. Однажды я провинился в чем-то, не бог весть как, и Кроссен со свирепым видом, которого я до сих пор не забыл, пригрозил мне «таделем» за повторный случай. Не могу забыть и того ужаса, который я испытывал перед этим грозным словом. Nachsitzen – это была отсидка после уроков в классе. В то время мне казалось, что если после отсидки очень быстро бежать домой, то можно наверстать несчастное время и никто не заметит случившегося.

Авторитет учителя в школе был очень высок, и одной из причин этого была власть. На уроках сидели тихо, проказы совершались под партой. Я не знаю ни одного случая за все время моего пребывания в школе, чтобы ученик осмелился не только сказать грубое слово учителю, но просто послушаться его. Хулиганские выходки случались во дворе без надзора учителя, но они бывали редко. Возможность быть исключенным из школы висела дамокловым мечом над каждым озорником, дисциплина в семье дополняла школьную.

Строгая дисциплина и расстояние между учеником и учителем иногда воспринимались мною как казенный дух, господствовавший в школе. Насколько это было верно, мы увидим ниже. Во всяком случае, взрыв протеста я пережил, когда в 1916 году принял участие в школьном празднике моей сестры,

учившейся в частной гимназии М. Д. Могилянской на 4-й линии Васильевского острова³. Директором школы тогда был Николай Васильевич Балаев, своей внешностью напоминавший А. И. Герцена. М. Д. Школа Могилянской отличалась, как принято тогда было говорить, «свободным духом», теплыми человеческими отношениями между учащимися и преподавателями. На празднике я был до такой степени поражен атмосферой дружбы и товарищества между школьницами и администрацией, что, вернувшись домой, тут же сочинил стихотворение и отправил его Н. В. Балаеву. Я благословлял образ жизни его школы, атмосферу света и добра. Из всего стихотворения мне запомнились только четыре строчки:

*Я ученик немецкой школы,
Питомец строгих дисциплин,
Где нет друзей, где стены голы,
Где я лишь пасынок, не сын.*

Оставим эту филиппику на совести ее юного автора, мы вернемся к ней ниже, а сейчас продолжим наше повествование.

Говоря о соблюдении строгой дисциплины в классе, я должен сделать исключение для тех редких случаев, когда учителем оказывался слабонервный человек, терявшийся перед лицом ученического стада, травящего того, кто слабее его. Был у нас такой несчастный преподаватель истории средних веков, некто Аун. Ученики сразу поняли, что имеют дело с хлопиком, и вели себя с ним нагло. Лицо его заливалось краской бессильного возмущения, что подливало масла в огонь. Я помню возмутительный случай в 6-м или 7-м классе на уроке этого учителя. Когда Аун по ходу урока назвал, если не ошибаюсь, вершину какого-то горного хребта «Пик д'Аннету», кто-то из наших верзил-монтаньяров, сидевших на последних, самых высоких партах, выкрикнул это название, придав ему путем замены одной буквы в первом слове грязное непристойное звучание для немецкого уха. Лицо Ауна налилось кровью, глаза бегали по партам последнего ряда, ища виновника. «Кто сказал?» – выдохнул из себя Аун. Молчание. Молчание длилось около полуминуты, прежде чем Аун смог продолжить урок. Виновник не нашлся.

Жестокость мальчишек причиняла Ауну неприятности по службе. Вот пример.

Во время перемены ученики тех классов, двери которых выходили в большой рекреационный зал, совершали круговое движение по залу. Внутри круга стоял дежурный педагог. Когда дежурным оказывался Аун, все ученики голосом чревовещателя гудели: «Ау-у-у-ун, Ау-у-у-ун». Аун стоял с красными пятнами на лице, беспомощно озирая своих преследователей. На него было жутко смотреть. Однажды во время такой экзекуции, когда мне казалось, что Аун сейчас сойдет с ума, в зале неожиданно воцарилась полная тишина. Я невольно посмотрел в ту сторону, где находился вход с лестницы в зал. Там, заложив руки за спину, замерла высокая фигура директора Пантениуса. Его появление всегда действовало на нас магически. Инцидент причинил Ауну неприятность, которая состояла в том, что ему угрожали увольнением, если он не овладеет ученической стихией.

В русских гимназиях дисциплина была ниже, чем в немецких школах. Особенно славились распушенностью гимназисты т. н. Ларинской гимназии, что была на 6-й линии Васильевского острова, почти против нашего дома⁴. Не забуду их драк с помощью поясных гимназических ремней на медных пряжках, происходивших на бульваре, отделяющем 6-ю линию от 7-й.

Успехам обучения у нас содействовала не только система наказаний (вспомним педагогическую формулу Гёте «Wer nicht gezüchtigt wird, wird nicht erzogen», т. е. «Без наказания невозможно воспитание»⁵), но и отметки. Их ставили без каких-либо дипломатических соображений и уж во всяком случае без ложной оглядки на престиж школы. Отметка ставилась та, которую ученик заслужил, вплоть до единицы и нуля. Помню, как во время перемены в школе на резвом бегу в зале при встрече со мной замер мой младший брат, который в это время тоже учился в Екатерининской школе, и, переведя дух, выпалил: «А я сегодня колду получил!»

Что касается мер поощрения в нашей школе, то они практиковались в двух видах. Во-первых, непосредственно перед выдачей чет-

верти учитель вызывал к кафедре во время урока похвальных учеников и заносил в их дневники записи вроде следующей: «Jonas ist gelobt für Eifer (Fortschritte) in lateinischer Sprache», т. е. «Ионас заслужил похвалу за успехи в латинском языке». Количество занесенных в дневник похвал и порицаний отражалось в соответствующих рубриках четверти наряду с такими как «Fleiss und Aufmerksamkeit», «Betragen», «Ordnung», т. е. «Прилежание и внимание», «Поведение», «Аккуратность». Три последние рубрики аттестовались отметками, причем двойка за поведение служила предупреждением о возможном исключении из школы.

Второй вид поощрений развивал в нас благородное честолюбие. Если средний бал в четверти был ниже 4, то четверть заполнялась черными чернилами. Если средний бал был не ниже 4, но ниже 5, то четверть писалась красными чернилами. Если же четверть состояла из одних пятерок, то на нее шли золотые чернила (были и такие). Отсюда названия «schwarze Zenzur», «rote Zenzur», «goldene Zenzur» (черная, красная, золотая четверть).

За время обучения в школе я имел две черные четверти, что очень уязвляло меня. Не знаю, как отнестись к такой мере поощрения с педагогической точки зрения, но меня она очень тянула вверх. Остальные четверти у меня были красные. Золотые четверти в нашем классе получал ученик Николай Изаков, о котором дальше будет речь.

Не следует, однако, думать, что по части дисциплины у нас не бывало ЧП. Об одном из них, которому я до сих пор не перестаю удивляться, я расскажу.

Было это в четвертом классе. Перед первым апреля кто-то из наших озорников внес предложение сыграть шутку «с первым апреля» и не явиться всем классом в школу. Предложение было принято. От его выполнения отказались только два мальчика: англичанин Дикс и Миша Салье. Салье был инвалидом: его ноги не сгибались в коленях, вернее, они были согнуты наполовину и не только не сгибались, но и не разгибались, так же неподвижны были и ступни. Ходил он на костылях, волоча по земле поочередно

каждую ногу. Лицо было у него прыщавое с конвульсивными движениями мышц во время разговора и судорожного смеха. Глаза смотрели в разные стороны, уходили под лоб, когда он начинал говорить или смеяться. Приходил он в школу в сопровождении какой-то женщины, которая несла его портфель. Был он способный ученик, знал несколько языков и обладал незаурядной памятью и фантазией и сверх того независимой сильной волей. Он и я сидели в классе на соседних партах в первом ряду. Салье, пользуясь моей слабохарактерностью, поработил меня, заставляя носить за ним портфель, провожать его домой (он жил, как и я, на 7-й линии Васильевского острова, в доме на углу Академического переулка, жил в квартире своего деда, врача, профессора Штанге), заставляя выслушивать его рассказы. <...> Рассказывал он о том, что у него нежный роман с девушкой Натой, которая его очень любит; что он во внешкольное время работает жокеем на ипподроме, где его на бегу лошади забрасывают на беговую двуколку и т. п. А я верил ему и рассказывал все это родителям, которые надо мной смеялись, упрекая меня в слабости и прислужничестве. Впоследствии Салье окончил факультет восточных языков и перевел на русский язык арабские сказки «Тысяча и одна ночь».

Так вот, когда утром 1-го апреля в класс явился учитель, то никого кроме Дикса и Салье в классе не оказалось. Было наряжено следствие. На следующий день в класс явился директор Пантениус и начал допрос, вызывая по очереди каждого ученика и требуя выдачи зачинщиков. Кончилось тем, что нам было велено явиться в школу в воскресный день под угрозой отчисления из школы в случае неявки. Мы явились. В класс вошел учитель русского языка Синюхаев и задал нам писать сочинение на

тему: «Какую роль в жизни человека играет стадное чувство».

Еще один выходящий за рамки обычного случай, который в наше время не обратил бы на себя внимания администрации школы.

В доме по соседству с нашей школой размещалось и женское отделение. В один из весенних дней в открытое окно одного из классов влетело со двора яблоко, обернутое в бумажку с надписью «Der Schönsten», т. е. «Прекраснейшей». Как и следовало ожидать, реакция девочек вполне соответствовала греческому мифу: в классе девочек начался раздор – кому из них должна принадлежать честь Афродиты. Сегодня этому инциденту вряд ли было бы придано значение, однако немцы педантичны, началось дознание среди мальчиков. Проканником оказался мой одноклассник Вайшенкер. Директор велел ему явиться на следующий день в школу в наилучшем парадном костюме. В этом виде его ввели в класс девочек и предложили исполнить роль Париса.

Заканчивая тему дисциплины, хочу отдельно сказать о сквернословии. Этим сейчас грешат у нас и большие, и малые, какой-то век сквернословия. Но в начале нашего века сквернословие было достойным, главным образом, определенных категорий людей. Не знаю, как их квалифицировать, но язык отметил это поговорками: ругается, как лямовой извозчик. Точно так же в начале века можно было услышать: пьян как сапожник. <...> Сквернословие в немецкой школе не процветало, хотя нашло себе эрзац в языке. У нас на этот случай был условный лексикон. Трудно объяснить его происхождение. Хотя нейтральное звучание изобретенного нами жаргона не может оскорбить непосвященного, я, тем не менее, не решаюсь его здесь воспроизвести.

*Продолжение
в следующем номере*

¹ Сейчас здесь находится Администрация Василеостровского района Санкт-Петербурга.

² в будущем (лат.).

³ Частная гимназия М. Д. Могиланской помещалась в д. 43 по 4-й линии В. О.

⁴ Автор жил в дворцовом флигеле д. 36 по 7-й линии. Флигель снесен в конце 1990-х гг. Ларинская гимназия располагалась в д. 15 по 6-й линии В.О.

⁵ Высказывание принадлежит греческому комедиографу Менандру и в немецком переводе было поставлено И. Гёте в качестве эпиграфа к его автобиографии «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit» (Tübingen; Stuttgart, 1811–1822).

Немецкая школа*

Очерк

В. Я. Ионас

Учителя

А. Г. Генкель вел у нас природо-ведение (Naturkunde), а позднее – ботанику (Pflanzenkunde) в первых классах. Генкель был в школе явлением исключительным, главным образом потому, что в нем не было ничего «официального», чопорного. Даже вицмундира он не носил. Его речь на уроке лилась импровизационно, движения были раскованные, энергичные, живые. Он скорее читал лекции, чем вел урок в школе, читал увлеченно, с явной любовью к предмету. Для младших классов такой метод преподавания был неожиданным, во всем сказывался не просто учитель, но энтузиаст своего дела. Таким я помню только еще одного из наших педагогов – Василия Васильевича Струве, будущего академика. А. Г. Генкель не мог усидеть на кафедре и вел лекцию, курсируя между кафедрой и классной доской, увешанной наглядными пособиями. Настроение его всегда было ровное, приподнятое, можно сказать, радостное. До сих пор не могу понять, почему я не загорелся в то время интересом к ботанике и биологическим наукам, который проснулся во мне лишь в зрелые годы, когда я понял, что отвлеченное философское мышление (которым я увлекался) не может привести к истинному знанию иначе, как на почве естественных наук. Вина лежит на мне, если уместно говорить о вине там, где мы имеем дело с законами индивидуального развития человека.

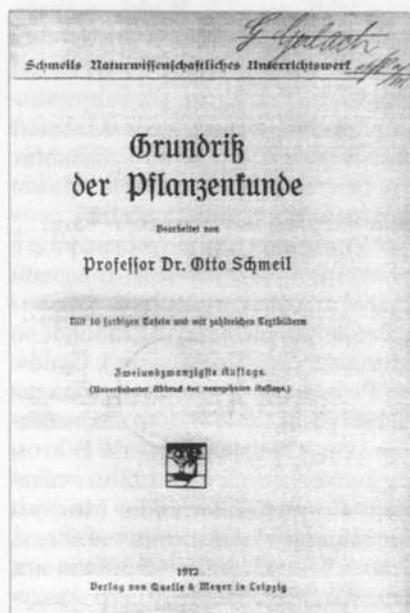
Каковы же были мои удивление и радость, когда я спустя почти семьдесят лет увидел на книжном лотке в одном из вестибюлей метрополитена небольшую книжечку с прекрасным портретом А. Г. Генкеля на обложке, изданную Академией наук СССР в 1981 году. Из этой книжки я узнал, что сын моего учителя Павел Александрович

Генкель, который учился в моей школе двумя классами ниже меня, составил интересную биографию отца. Я помню А. Г. Генкеля таким, каким он изображен на обложке книги.

Первый учебник, который мы раскрыли по предмету А. Г. Генкеля в первом классе, был «Naturkunde. Einführung in die Botanik» (Leipzig, 1910), иначе говоря, природо-ведение, введение в ботанику. Книга эта лежит передо мной. Она состоит из двух частей: 1) учение о природе, распадавшееся на три отдела – твердые тела, газообразные тела и жидкости; 2) ботаника из пяти разделов – семя, корень, лист, стебель (ствол) и цвет.

Во втором классе Генкель читал нам ботанику, которая изучалась нами по отличному учебнику «Grundriss der Pflanzenkunde von Professor Otto Schmeil» (Leipzig, 1912), изданному на хорошей бумаге в плотном красивом переплете и снабженному массой иллюстраций, в том числе десятью красочными на меловой бумаге. В книге было три раздела: 1) растения на

шей родине (имеется в виду Германия); 2) растения зарубежных стран; 3) о строении и жизни растений. Напечатана книга, как и «Naturkunde...», принятым в то время готическим шрифтом.

Инспектор Коппэ

Я уже сказал, что Коппэ был инспектором школы, т. е. заведующим учебной частью по современной терминологии. Почему он удостоился этого звания, я не знаю, он не производил впечатления образованного человека, казался скорее надсмотрщиком. Немногословный, необщительный, строгий, раздражительный, он своим характером до некоторой степени напоминал Кругосена. Однажды на уроке географии, кажется, во втором классе⁶, будучи выведен из себя каким-то не запомнившимся мне действием ученика, не очень предосудительным, он с такой силой ударил деревянной указкой по его парте, что сломал свою ферулу⁷. Мне кажется, что если бы у нас в школе практиковались, как в

* Продолжение. Начало в № 1 (29) за 2006 г.

Швейцарии и Англии, телесные наказания (кстати говоря, ферула когда-то служила для этой цели), то экзекуторами были бы назначены Кругсен или Коппэ. Задавать ему какие-либо вопросы вне класса было бесполезно, так как ответ его всегда был односложен: «Abwarten, zusehen» (т. е. «подождем – увидим»). Когда ученик, бывало, попросится во время урока выйти из класса по известной надобности, Коппэ говаривал: «Schneller, damit kein Malheur passierte» («скорее, во избежание несчастия»). Ничего более примечательного я о нем не помню.

Учил нас Коппэ географии в первом и втором классах. В первом классе мы знакомимся с учением о Земле по учебнику «Erdkunde in konzentrischen Kreisen von J. Gydé, St. Petersburg. Учебник распался на два раздела: 1) Земля как небесное тело; 2) страны света. В этом учебнике на странице 102 мы читали о том, что население Москвы составляет 1 миллион человек, Санкт-Петербурга – 1,5 миллиона, а на странице 123 – что у негров вздутые губы и что «особенно безобразные» люди на Земле – это готтентоты и бушмены. Учебник (он сохранился у меня) хорошо иллюстрирован. В качестве достопримечательности Нью-Йорка показано 12-этажное здание. Особенно поразило мое воображение изображение корабля за чертой горизонта: была видна только верхняя часть мачт. Во втором классе учебником служило «Руководство по преподаванию географии» (Leitfaden für den Unterricht in der Geographie von Fr. Wilh. Kellner, Reval, 1908)⁸.

Георгий Титович Синюхаев

Преподаватель словесности и русской литературы Георгий Титович Синюхаев, человек военной выправки, носивший форму казачьего офицера, роста выше среднего, жгучий брюнет, отличался спокойными, неторопливыми, уверенными и почти величественными движениями. Несмотря на это, он не был похож на школьного ментора, в его манере было что-то естественно-простое, размеренное, вселявшее уважение и доверие, при полном отсутствии признаков приспособления к среде. За все

время его обучения не было случая, чтобы он повысил голос, спокойствие в классе устанавливалось само собой. Однажды, во втором или третьем классе, Синюхаев по ходу урока обратился к нам с вопросом: «Мужики пошли – куда?» – и я в нарушение дисциплины, не поднимая руку, с места выпалил неожиданно для самого себя: «В казёнку». Казёнкой в то время коротко называли казённую, т. е. винную лавку. Эти лавки звали также «монополькой», так как торговля водкой составляла государственную винную монополию. Синюхаев сделал паузу, строго посмотрел на меня и постучал указательным пальцем по журналу. Сдержанная реакция Г. Т. Синюхаева и его жест указательным пальцем запомнились мне на всю жизнь, а Кругсен вlepил бы мне за мою выходку «тадель», который я вполне заслужил, хотя я и не понимал смысла того, что сказал.

Г. Т. Синюхаев преподавал свой предмет интересно, не только передавая нам знания, но приобщая нас к русской литературе и культуре XIX века как явлению высокому. Он не вбивал в нас заштампованные «образы героев», требуя запрограммированного ответа, эти образы жили в нас одухотворенно. Мы с интересом писали сочинения и рефераты о направлениях в истории русской литературы и типах русского человека, о произведениях русских классиков, вчитываясь в размышления Белинского и Добролюбова, жили чувствами героев Островского; рефераты читались и обсуждались в классе. Мы учились мыслить, а в нашей памяти сохранились лучшие произведения Кукольника, Марлинского, Лажечникова, Загоскина, Гоголя, Никитина, Некрасова, Кольцова, Григоровича, Писемского, Данилевского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Белинского, Салтыкова-Щедрина. На всю жизнь сохранились впечатления о «Гуттаперчевом мальчике», «Прохожем», «Антоне-горемыке», «Пахаре» Григоровича, а что говорить о творениях И. С. Тургенева, А. И. Гончарова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского! Это была эпоха романтической, возвышенной жизни и становления человеческого духа. Благодаря Г. Т. Синюхаеву я всю жизнь

продолжал общение с русскими классиками.

Помню, как после летних каникул 1915 года Г. Т. Синюхаев вошел в класс, помолчал немного, расположившись на кафедре, и проникновенным голосом начал урок следующими словами: «Каждый раз, когда я приступаю к чтению об Александре Сергеевиче Пушкине, я испытываю чувство волнения и трепет». Это было вдохновенное введение в храм, где горел свечок нашего Поэта, и Г. Т. Синюхаев не один год водил нас по этому храму. Он издал несколько учебных пособий по русской литературе, нечто вроде хрестоматий, в которых фрагментарно публиковались произведения русских классиков. Не знаю, был ли правилен этот педагогический прием, ведь он мог служить соблазном для лентяев изучать русскую литературу только по хрестоматиям.

Георгий Титович был корректором нашей речи и всегда поправлял ее стиль. Ученики начинали обычно изложение заданного урока со слова «значит». И сейчас можно слышать эту интродукцию перед тем, как человек начинает говорить, отвечать, вспоминать что-либо. «Никогда не начинайте свою речь словом “значит”, – прерывал нас учитель. Иногда он смешил нас с серьезным видом. Если в оправдание ученик говорил: «А я думал...», то слышал в ответ: «Думала – юмала, вышла пергала»⁹.

Г. Т. Синюхаев, как и другие преподаватели, свободно преподавал свой предмет, самостоятельно распределяя материал годичной программы без опеки со стороны компетентных или полуккомпетентных инстанций, без официальных отчетов перед начальством. Кажется, что эту отчетность заменяли записи в журнале о пройденном материале. Я не помню никаких контрольных посещений уроков, исключения составляли случаи, когда преподавание вел неопытный, начинающий учитель. Тогда за последней партой могла появиться фигура директора школы.

Синюхаев был единственным из всех учителей, который после Февральской революции 1917 года и свержения с престола царя Николая II, явившись в класс, нашел в себе мужество начать урок не-

большим политическим вступлением, характеризовавшим его отношение к событиям. Вступление это было сделано в простой ясной манере Синюхаева, я помню из него только начальную фразу: «Свершилось то, что рано или поздно должно было свершиться». Все остальные преподаватели отгородились от нас глухой стеной молчания. Синюхаев не был, конечно, революционером, как и не был марксистом вроде А. Г. Генкеля, но мы никогда не слышали от него слов в защиту царского режима в прошлом или настоящем.

Я считаю нужным отметить в преподавании Г. Т. Синюхаева его стремление к разностороннему развитию учащихся. Он развивал в нас память. Тому, кто брался прочесть перед классом 500 строк из стихотворений русских классиков, он записывал в дневник похвалу, а в журнале ставил пятерку. Я сумел преодолеть этот барьер, хотя при чтении несколько раз запнулся. Отмечу также его прием вызвать в нас интерес к классической литературе: на уроке практиковались коллективные чтения А. Н. Островского и А. С. Грибоедова с распределением ролей между учащимися. Так, например, мне при чтении «Доходного места» Островского досталась роль Жадова, и я лез из кожи, стараясь изобразить его душевные страдания. Не могу забыть и того, как в последнем действии «Горя от ума» (явление 10-е, разъезд), когда Чацкий прерывает на полуслове лакея, вызывающего для него карету, рассеянный и флегматичный ученик Миквиц протянул свое «Ка-аре-е...» так, что вызвал всеобщий смех. Г. Т. Синюхаев молчал при этом, предоставляя нам возможность разрядки. Это был мудрый учитель, завоевавший уважение и любовь учащихся.

В заключение об этом замечательном учителе я хочу отметить, как отразились его уроки на моем духовном становлении. А получилось вот что: в моем сознании литературные явления XVIII–XIX веков, представленные, казалось бы, в разрозненном виде творениями отдельных писателей, образовали сплав великой русской литературы и культуры, который закрепила в моем сознании отличная монография профессора Овсяни-

ко-Куликовского «История русской интеллигенции». Развитие моей личности питалось, главным образом, этими источниками.

По окончании школы я, не осознавая еще своего призвания (я знал только, что я гуманитар и мечтал об университете), пришел на квартиру за советом к Георгию Титовичу. Он был тогда уже болен туберкулезом легких, вскоре его погубившим.

Г. Т. Синюхаев дал мне совет поступить на историко-филологический факультет, и я ему последовал. Но во мне жил Вильгельм Мейстер, я стал менять свой выбор, который к тому времени не созрел у меня, и менял не раз, а теперь убежден, что мое место было именно на историко-филологическом факультете.

Владимир Федорович Фельдман

Математик В. Ф. Фельдман вел наш класс многие годы. Казалось бы, можно было привыкнуть к нему, его манере держаться, его строгости, но нет, в нем была черта, которая внушала – не знаю, всем ли, мне, по крайней мере, – страх. Способствовало этому чувству и то, что математика давалась мне трудно, и при всей добросовестности в учении я чувствовал себя неуверенно у доски.

В. Ф. Фельдман преподавал одновременно у нас и в St. Petrischule. Только что закончив там урок, он садился на извозчика, дежурившего у школы, и мчался к нам, поспевая точь-в-точь к нужному часу без опоздания. Видимо, по этой причине его появление у нас в классе носило следы спешки, являясь как бы финишем марафона. Он быстро входил в класс, быстро шел к кафедре, вынимал из портфеля нужные атрибуты и с лицом сосредоточенным, казавшимся мне сердитым, принимался за урок. Манера спешки, суровый взгляд рождали во мне безотчетное беспокойство, которое заставляло сильнее биться мое сердце. Это состояние мое усиливалось, когда он из бокового кармана вынимал записную книжку, в которую заносились сведения об опрошенных учениках с оценками их ответов, и мне казалось, вот-вот прозвучит грозное

«Jonas, zur Tafel!» («К доске!»). И только звонок, возвещающий конец урока, приносил мне облегчение, снимая напряженность.

В. Ф. Фельдман любил давать ученикам клички. Увидав на парте Хагельманна книжку Фенимора Купера с рассказами об индейцах, он вызывал его к доске так: «Indianerhäuptling, zur Tafel!», то есть «Индийский вождь, к доске!». Выскочку Фридланда он звал «fünftes Rad am Wagen» («Пятое колесо в телеге»). Я был у него «Prophet Jonas» – библейский пророк, по легенде, проглоченный китом. Моя кузина, учившаяся в St. Petrischule у того же Фельдмана, говаривала мне: «Он не любит тех, кто его боится, и всегда хорош со мной». Она сама была хороша собой, так, может быть, это тоже способствовало хорошим отношениям со строгим математиком?

В 1914 году, когда разразилась война с Германией, наши квасные патриоты не придумали ничего другого, как перевести преподавание в немецких школах на русский язык. Это поставило некоторых учителей, в том числе Фельдмана, в затруднение. Так, например, подходя к классной доске, он говорил: «А теперь будет написать». На лицах других немецких учителей я читал выражение оскорбленного достоинства, а в их поведении – отчуждение от окружающей среды. Некоторые из них, более смелые, в том числе директор Пантениус, позволяли себе нарушать запрет и обращались к нам с немецкой речью. Однако и это было вскоре пресечено, так как нашлись ученики, которые сочли своим патриотическим долгом донести на этих нарушителей.

У В. Ф. Фельдмана сказывалось пристрастие к латинским афоризмам или, быть может, он хотел показать свое знание латыни. Я помню одну из его поговорок – увидев рядом двух лентяев, он говорил обычно: «Pares cum paribus facillime congregantur», то есть «Ровни легко сходятся». Мы уже видели, что Фельдман любил давать учащимся клички, выражающие его, я бы сказал, некоторое высокомерие к тем, кто ниже его. Видимо, по этой причине он отказался следовать принятому в нашей школе правилу обращаться к ученикам, перешедшим в

6-й класс, на «вы». Нам он прямо заявил: «Я надеюсь, ты не будешь возражать, если я по-прежнему буду тебе говорить “ты”», – и мы, конечно, не возражали.

По окончании школы судьба снова свела меня с В. Ф. Фельдманом. В 1926 году моему младшему брату¹⁰ предстояло держать экзамен в Институт коммунального хозяйства, предстояли вступительные экзамены по математике, с которой брат был не в ладах. Я привел его к Фельдману, прося подготовить его к экзамену по дифференциальным и интегральным исчислениям. Пройдя лишь половину курса дифференциалов, брат пришел к В. Ф. Фельдману и сказал, что можно переходить к интегральным исчислениям, так как дифференциалы он уже сдал. Фельдман знал, что экзамены принимал знаменитый профессор математики, и знал также уровень математической малограмотности брата. Когда брат подробно рассказал ему, как он обошел профессора, Фельдман пришел в восторг и кричал: «Ты молодец, ты молодец!» – и был, видимо, рад тому, что брат обставил знаменитость, бывшую бельмом на его глазу. Затем В. Ф. Фельдман позвал жену и с хохотом повторил рассказ брата, после чего угостил его вкуснейшим ароматным кофе с молоком, до которого сам был большой любителем.

Уже в тридцатые годы, когда вышло в свет драматическое произведение немецкого автора Ф. Вольфа «Доктор Мамлок», направленное против бесчеловечности гитлеризма, В. Ф. Фельдман, которого я посетил на дому в качестве консультанта по какому-то его юридическому делу, обращая ко мне на «ты», спросил меня: «Aber sag mal, Jonas, ist es wirklich möglich?», то есть «Возможно ли это?»

Мне было приятно его «ты», а в школе я трепетал при одном его грозном «Jonas, zur Tafel!».

Василий Васильевич Струве

Я жалею, что лишь очень немногое могу сказать об этом незаурядном человеке, заслужившем более обстоятельного рассказа о нем, – он недолго преподавал у нас

в старших классах. Как и А. Г. Генкель, В. В. Струве выглядел на фоне учительской массы школы, ее порядков, духа как существо особое. Я не помню, какую историческую дисциплину преподавал он у нас (его специальность – история Востока), но в памяти моей сохранилось то, что его выделяло из общей массы школьного персонала: это была личность. Лучше не определить впечатление о В. В. Струве. Он не был скован в манере держаться, вел себя свободно и, сам того не замечая, производил впечатление человека, стоявшего выше его окружения. Он не стремился к тому, то была его природа, и, как мне кажется, отчасти объяснялось тем, что В. В. Струве (ему было тогда около 30 лет)* был в то время уже сложившийся ученый, готовый профессор (он параллельно читал уже курс лекций в Петроградском университете) с глубокими знаниями в области своего предмета, который он преподавал у нас так, как если бы он находился в аудитории университета. Его личностный характер, как ни странно, подчеркивался тем, что в другом преподавателе ученики усмотрели бы как смешную сторону: Струве не заботился о своей внешности – волосы его были немного взъерошены, не замечалось тщательного внимания к одежде. Голос у Струве был высокий, не соответствовавший его импозантному виду. Да, он был импозантен своей

внушительной фигурой, свободной манерой держаться, своими живыми движениями и жестами. Он жил и мыслил на уроке, жил в особом мире, это было видно, и класс питал к нему уважение.

Мне пришлось встречаться с Василием Васильевичем и по окончании школы. Василий Васильевич был знаком с моим отцом, был постоянным покупателем в его аптекарском магазине на 7-й линии Васильевского острова¹¹ (сам В. В. Струве жил в то время на 15-й линии), при встречах со мной приглашал меня к себе, но нашему сближению мешало одно обстоятельство: я робел в его присутствии и не мог преодолеть это препятствие.

Встретив меня на Большом проспекте Васильевского острова в тридцатые годы и узнав о смерти моего отца, он, переминаясь с ноги на ногу и подыскивая слова, чинно выразил мне свое сочувствие.

Мне довелось два раза посетить Василия Васильевича на дому: один раз когда он жил еще на Васильевском острове. Не помню, по какому поводу состоялась встреча, кажется, просто по его любезному приглашению. Он спрашивал меня, чем я занимаюсь и, узнав, что я увлекаюсь философией, вступил со мной в разговор на эту тему, содержания которого я не помню, за ис-

* В. В. Струве родился в 1889 г. – Ред.

Бывший аптекарский магазин Якова Вульфвича Ионаса, который находился в д. 40 по 7-й линии Васильевского острова

ключением того, что я развивал при этом теорию познания Канта. Меня поразила своей неожиданно-стью способность Василия Васильевича бурно реагировать на помехи в его занятиях: во время нашего разговора в соседней комнате разыгралась какая-то конфликтная ситуация между детьми, они кричали, и тут Василий Васильевич очень сердито прикрикнул на них со своего места, угрожая наказанием. Мне показалось это несовместимым с моим априорным предположением о его невозмутимости, и я понял, что еще мало знаю его.

Другой раз я посетил его в начале 1960-х годов на его академической квартире. Когда я предварительно позвонил по телефону, женский голос как-то странно ответил мне: «Он не подходит к телефону». Я не знал, что В. В. Струве был прикован к креслу-каталке из-за болезни ног, вызванной сидячим образом жизни за письменным столом. Я попросил разрешения навестить его, мне разрешили. Наша встреча было недолгой. Я преподнес Василию Васильевичу мою только вышедшую книжку по правовым аспектам творчества, был приглашен к чайному столу, чувствовал себя очень неловко, так как мое посещение академика в часы его работы показалось мне неуместным. За столом никто, кроме Василия Васильевича, не говорил, и я оценил его гостеприимство и светскость.

Вскоре после этого Василий Васильевич ушел из жизни: в 1965 году гангрена ноги свела его в могилу.

Директор школы Пантениус

Хотя с директором школы мне очень редко приходилось встречаться лицом к лицу — он словно жил где-то за кулисами в загадочном мире и не общался с нами, — но он почему-то оставил в моем сознании такое сильное впечатление, что даже много лет спустя появлялся в моих сновидениях. Его особенная черта состояла в каком-то магнетизме, исходившем от его личности.

От Пантениуса веяло неотразимой властной силой, которую источало все его существо: высокая строгая фигура в вицмундире, военная выправка, строгие, словно

застывшие черты лица, не знавшие улыбки, магнетически действовавший пронзительный взгляд, аккуратно подстриженная седеющая бородка, удлинявшая его лицо, неторопливая походка, спокойные, уверенные движения, непререкаемый тон голоса, который он никогда не повышал. В восьмом классе он читал нам логику. Я до сих пор ничего не могу сказать о его личностных качествах, но он стоит как изваяние в моей памяти, а в одном из моих сновидений я, исполненный уважения и теплого чувства к нему, старался показать мое к нему расположение, на что он ответил мне тем же.

В школе у меня за девять лет обучения состоялись только две личные встречи с ним: одна в его кабинете, куда меня, тринадцатилетнего мальчика, принесли в полуобморочном состоянии после моего падения в школьном саду, когда я едва не сломал руку в локте. Он нагнулся надо мной, лежавшим на кожаной оттоманке, и от него пахнуло запахом черного кофе, который он имел обыкновение пить. Пожалуй, этот акт внимания ко мне со стороны загадочного человека как раз и может объяснить оставленный им след в моей памяти и мое непонятное теплое расположение к нему в сновидении. Другая встреча состоялась в гимнастическом зале. Я делал упражнение на турнике во время урока гимнастики, как вдруг он появился передо мной. Заложив в свойственной ему манере руки за спину, он, помня мою фамилию, в доброжелательном тоне обратился ко мне со словами: «Nun, Jonas, zeig mal was du kannst». Польщенный его вниманием, я показал то немногое, что умел.

Решительный характер Пантениуса сказался в 1917 году, когда наш 8-й класс в знак солидарности с интеллигенцией объявил забастовку и не вышел на занятия. Поводом для этого послужил разгон большевиками Учредительного собрания. Что могли мы знать о значении этого исторического события, мы, сынки мелкобуржуазных семей? Мы слышали в своей среде разговоры о «запломбированном вагоне», прибывшем из Германии, о «немецком агенте», об «узурпации власти большевиками». И вот мы, ученики 8-го класса и некоторые

ученики из других классов, в их числе Федя Дидерихс, сын фабриканта роялей, собрались утром в школьном саду, вместо того чтобы идти в класс на занятия. К нам вышел Пантениус и предложил вернуться в класс и продолжать учение. И тут произошла сцена, запомнившаяся мне на всю жизнь. Вперед вышел наш лидер, Николай Изаков, тот самый отличник, которого я упоминал ранее. Он был физически и умственно развит не по летам, читал Канта (читал, между прочим, Арцыбашева и Пшибышевского), имел политические убеждения, видимо, эсеровские. Вытянув вперед руку и нацелив указательный палец на Пантениуса, он начал речь словами: «Смотрите, вот тот человек, который...». Я не запомнил содержания его демагогического выступления, но посягательство в дерзкой форме на авторитет директора привело меня в замешательство. Хотя я и осудил в упомянутом выше сочинении недостойность стадного чувства в человеке, но теперь был так им скован, что слепо пошел за классом. Однако слова «Вот тот человек, который...» звучали для моего слуха кощунственно.

Неужели этот реликт далекого прошлого и был той причиной, по которой я много лет спустя в сновидении засвидетельствовал Пантениусу мое уважение к нему?

А дальше было так. Мы в класс не вернулись, и Пантениус закрыл его, исключив всех бастующих из школы, после чего открыл прием в 8-й класс по подписке: мы должны были отказаться от политической деятельности в школе. Все (кроме 6 человек, в том числе и я) подписку дали. Вскоре мы шестеро были приняты без всяких условий в 8-й класс гимназии К. Мая, что на 14-й линии Васильевского острова, и окончили ее в 1918 году весной. Моим одноклассником в гимназии К. Мая оказался будущий писатель Лев Васильевич Успенский. А с Федей Дидерихсом было так: увидев его в классе после описанного выше инцидента в саду школы, Пантениус взял его за шиворот и со словами «Nimm alle deine sieben Sachen und pack dich fort von hier!» выдворил из класса. Федя, учившийся двумя классами ниже меня, окончил гимназию

К. Мая, а по окончании войны защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации на экономическую тему.

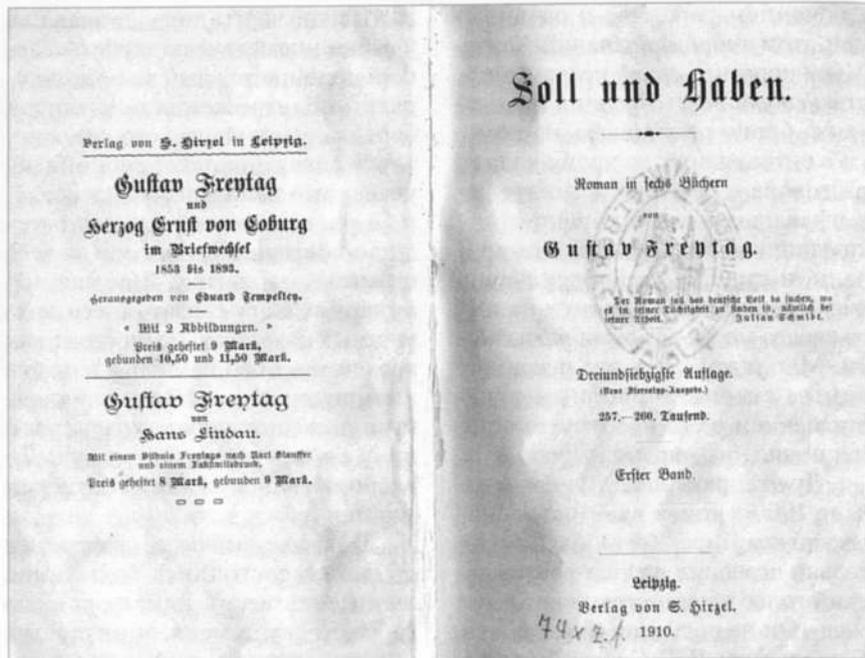
Изучение языков

Кроме немецкого и русского языков мы изучали в обязательном порядке еще латынь и французский. Желавшие могли факультативно изучать и греческий язык, от чего я, к сожалению, отказался, лишив себя возможности прочесть «Илиаду» и «Одиссею» Гомера в оригинале.

Немецкий язык

Немецкий язык и литература изучались в школе с несколько меньшей обстоятельностью, чем русский, но все же в значительном объеме.

Помимо грамматики и синтаксиса мы изучали краткую историю Германии и историю немецкой литературы. Обучение начиналось с подготовительного класса. Передо мной на письменном столе – маленькая немецкая книжка, напечатанная готическим шрифтом: «Grimms Märchen» (Hamburg, 1907) – «Сказки братьев Гримм». Книжка содержала 14 сказок, из которых я многие мог бы и сейчас пересказать на память. Эта книжка была задана нам для чтения на время каникул при переходе из подготовительного в первый класс. В качестве учебных пособий нам служили хрестоматии, в которых мы читали отрывки из немецких авторов. Они не сохранились у меня, но безошибочно могу сказать, что во втором классе мы читали переложение для детей «Путешествия Гулливера в страну лилипутов» – «Gullivers Reisen nach Lilliput Bromdingnag» Jonathan Swift (Für Knaben und Mädchen vom 12-ten Jahre an). Эта книжка лежит передо мной, на ее титульном листе моей детской рукой чернилами с жирным нажимом (нас учили каллиграфии, которая мне не удавалась) выведена готическим алфавитом моя фамилия с указанием «II Klasse». Судя по всему, в это же, примерно, время и чуть позднее мы читали «Doktor Faust» von Gustav Schwab и его же «Der gehörte Siegfried». Затем шли

Peter Rosegger «Als ich noch der Waldbauernbub war» (Leipzig, 1910); W. Hauff «Märchen»; G. E. Lessing «Minna von Barnhelm» (в обработке Манштейна. СПб., 1911); Drei Meister der deutschen Erzählungskunst (von Th. Storm, G. Keller und Paul Heyse); «Kriegsgeschichten», Novellenbuch (Hamburg, 1912); G. Keller «Kleider machen Leute» (Kiew, 1908); G. Frenssen «Jörn Uhl» (Kiew, 1910); J. Andrä, «Erzählungen aus der deutsche Geschichte» (Leipzig, 1910. Из истории Германии с древних времен до Бисмарка включительно с приложением сказаний о Нибелунгах и Гудрун); G. Freytag «Soll und Haben», Schulausgabe (Leipzig, 1910); Heinrich von Kleist «Michael Kohlhaas»; Homers Ilias, Schulausgabe (Leipzig-Wien, 1904); H. Sudermann «Frau Sorge»; B. Auerbach «Das Landhaus am Rhein».

Какие же из многочисленных произведений сохранились в моей памяти если не по содержанию, то по силе впечатления, которое они произвели на мою юность? Это, во-первых, – новелла «Арабиата» Пауля Хейзе («L'Arrabiata», Nouvelle von Paul Heyse). Она появилась в печати в 1858 году и создала автору славу, читаю я сейчас в его краткой биографии. Я не запомнил ее содержания, но во мне до сих пор живет поэтическое очарование, связанное с судьбой этой

девушки, одно имя которой заставляет сильнее биться мое сердце, и я возобновил это впечатление, перелистав новеллу. Однако потрясла меня другая новелла: «In St. Jürgen» von Theodor Storm. Не могу удержаться от того, чтобы не передать кратко ее содержание.

Молодой человек, помолвленный со своей возлюбленной, вынужден покинуть родной город, чтобы добиться материального благополучия, необходимого для создания семьи. Он дает возлюбленной обещание вернуться. Однако судьба берет его в плен силою нравственного долга: спасая от разорения и нищеты семью своего умершего патрона с привязавшимися к нему детьми, он не может ее бросить, мечтая наяву и во сне о своей возлюбленной. Судьба связывает его с овдовевшей матерью детей, которую он не любит, и лишь спустя 40 лет снимает с него путы. Он мчится к той, которой дал слово, и возвращается в родной город в день смерти своей возлюбленной, ждавшей его всю жизнь, застает ее на столе под простыней. Я сейчас перечитал эту вещь, так как, забыв ее содержание, запомнил лишь конец: встречу с отошедшей. С трепетом приступил я к повторному чтению этой новеллы, с нарастающим волнением читал ее и с комом в горле, сдерживая слезы, закрыл книгу. Я с прежней силой пережил нравственно очищающее потрясение от трагической судьбы двух

любящих сердец. По художественной силе, простоте повествования, которую А. С. Пушкин считал отличительной чертой высокого искусства слова, я могу сравнить эту вещь только с «Вешними водами» И. С. Тургенева.

Большое впечатление произвели на меня еще два произведения: историческая повесть Клейста «Михаэль Колхаас» («Michael Kohlhaas»), которую я перечитывал уже в зрелом возрасте, удивляясь силе духа, заложенной в человеке, и роман Ауэрбаха «Das Landhaus am Rhein», пленивший меня романтикой любви и гуманизмом.

Почему я так подробно пишу об этом? Потому что весь этот перечень литературы с ее образами людей, их чувствами и мыслями дает представление о духовной атмосфере моего поколения, воспитывавшегося в петербургской немецкой школе начала XX века.

В старших классах мы изучали историю немецкой литературы по специальному учебнику и учебным пособиям. Большое впечатление произвела на меня личность Лютера, которого Гейне не без основания поставил рядом с Лессингом и назвал «гордостью и отрадой» немцев (Н. Heine «Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland»). В зрелом возрасте я приобрел у букиниста десять томов избранных сочинений Лютера. Меня поразила сила его ума, слова и убеждения.

Лессинг, Шиллер и Гете заняли особое место в становлении моей личности, и если русская классическая литература XIX века с легкой руки Синюхаева легла в основу моего развития, то вторым его источником стали Лессинг, Шиллер и Гете, которых я продолжал изучать и после окончания школы. Эти три гения немецкой нации живут во мне в течение всей моей жизни наряду с гуманистами великой русской литературы XIX века, а «Nathan der Weise» был для меня откровением, Вертер Гете перевернул мне душу еще в юности, но мне непонятно, почему он произвел такое сильное впечатление на жестокого Наполеона. Гете стал эпохой в моей жизни.

Что касается учителей немецкого языка, то я их не помню на-

столько, чтобы сказать о них что-либо существенное. Это были заурядные фигуры, не оставившие следа в моей памяти. Исключение составляет только один учитель: это был Штыльмарк, преподававший нам немецкую литературу в 7–8-м классах. Наряду с Генкелем, Струве и Синюхаевым Штыльмарк был личностью. Совсем молодой еще человек, общительный, деликатный, он сохранился в моей памяти как светлое явление школьных будней. К сожалению, у меня не успели сложиться личные отношения с ним, начало которым было положено, чему свидетельством является его небольшое, написанное готическим шрифтом письмо, адресованное мне в ответ на обращение к нему, содержание которого я не запомнил. Вот перевод этого письма, оставившего дорогую мне память об этом человеке.

«Ответ учителя ученику»

Если вы в лице учителя, который говорил о судьбе, имеете в виду меня, то я должен ответить вам следующее. Я определил судьбу не как ряд случайностей, но как сумму всех вмешивающихся в жизнь человека независимых от него событий. В пределах этого определения вполне достаточно места для личного Бога, т. к. его воля относится именно к этим событиям, которыми человек не может распоряжаться. Я лишь против взгляда на судьбу как на грозную враждебную человеку силу, какой она выступает в драмах так называемых драматургов рока, т. к. вера в личного Бога есть во всяком случае вера в доброго, человеку блажелательного Бога, и, следовательно, противоречит представлению драматургов рока».

Немецкая поэзия привлекала меня главным образом своей содержательностью, философичностью. До сих пор помню, хотя прошло около 70 лет, некоторые стихотворения Уланда, в особенности то, которое любил Л. Н. Толстой. В нем рассказывалось о том, как некий сириец, сопровождавший верблюда, спасаясь от взбесившегося животного, бросился в колодезь и повис на суку, вырос-

шем на стенке колодца. На дне колодца он увидел дракона, ожидавшего его падения, а на корнях куста белую и черную мышь, подкапывавших куст; но он забывает об угрожающей ему опасности и неизбежной гибели, увидев на ветвях куста спелые ягоды, которые он начал собирать. Помню и другое стихотворение, кажется, того же автора: в уютной комнате сидят вокруг стола прабабка, бабка, мать и внучка. Каждая строит планы на завтрашний праздничный день, которые рушатся от удара молнии. Такая вот направленность мысли пленяла «философа в осьмнадцать лет».

Французский язык

Нашего француза звали monsieur Frison. Он с трудом владел немецким языком и совсем не знал русского. Его урок начинался тем, что он вызывал ученика, скажем, меня, обращаясь к нему следующими словами: «Monsieur Jonas» (он произносил на французский лад: Жонас), «apportez moi, s'il vous plait, votre livre et votre cahier». Ученик, подходя к нему, говорил: «J'apporte mon livre et mon cahier», после чего месье Фризон экзаменовал его по заданному уроку. Басню Лафонтена «La cigale et la fourmi» я и сейчас помню наизусть. Француз наш не был строг, и мальчишки злоупотребляли его снисходительностью. В таких случаях месье Фризон, носивший длинные черные горизонтальные усы (за что его прозвали тараканом), подчеркивавшие его маленький рост, страшно огорчался и, шевеля усами, говаривал нам, что дурные привычки, приобретаемые в нашем возрасте, невозможно исправить впоследствии. При этом он брал в руки лист бумаги, иногда клякспапир*, и, сложив его нервным движением пополам, делал на нем складку, а потом показывал нам, что эту складку никаким способом нельзя уже разгладить и она остается навсегда. Так и с дурными привычками у юноши.

<...> Научиться беглому разговору по-французски и свободному чтению удавалось только тем, кто параллельно изучал язык дома.

* Промокашку. — Ред.

Латынь

Латинский язык, который, как нам известно, вышел из моды уже во времена Евгения Онегина, называют, как и греческий язык, мертвым языком. Нет ничего ошибочнее этого оскорбительного названия. Я благодарю судьбу за то, что она позволила мне на этом прекрасном, как и все в классическом мире, языке узнать жизнь, культуру, психологию, звучание речи Древнего Рима. Знание латинского языка и его творений больше, чем что-либо другое, открыло мне понимание прошлого, если при этом иметь в виду проникновение в дух того времени. Латинский язык удивительным образом сохранил в своем звучании, лаконических оборотах речи, ее ритме, фразеологии, построении отдельной фразы мышление, психологию, ум, культуру и мировоззрение древнего народа, а знакомство с ними доставляет великое наслаждение и для слуха, и для мысли. Недаром любил его Пушкин. Стоит прочесть афоризмы и сентенции, хотя бы лишь те, с которыми мы познакомились в 7-м классе – а их было 53 в латинском учебнике, – чтобы приобщиться к мудрому и возвышенному духу этого народа, живущему в поэзии и в трудах его историографов. Начинаешь понимать, что мысль не есть только принадлежность отдельно взятого человека, но является выражением «единства умственной жизни человечества»¹².

Аккумуляция Мысли – вот итог развития человечества.

Знакомство с латынью началось у нас со 2-го класса, и я на всю жизнь запомнил тот ручеек слов, который превратился для меня потом в полноводный могучий поток латинской прозы и поэзии. А начиналось оно следующими простыми словами: «Eugora est terra. Asia est terra. Eugora et Asia semt terrae». Что именно со 2-го класса у нас изучалась латынь, подтверждается тем, что на обороте жесткого переплета учебника Lateinisch Bbungsbuch под изображением римского легионера со щитом и мечом моей рукой готическим шрифтом написано, что эта книга принадлежит «Dem Herrn Jonas II g. Kl.»¹³. Здесь мы изучали все склонения, спряжения, переводили тексты с латинского и обратно.

В 3-м классе был принят учебник того же автора. Он содержал более сложные тексты и целые рассказы для перевода. Параллельно изучалась грамматика латинского языка, которая давалась мне нелегко¹⁴. В особенности трудно было усвоить последовательность времен (consecutio temporum), чуждую русскому языку.

А далее пошло изучение римской литературы в следующем порядке:

IV класс – Вергилий Марон. Энеида. Песнь I (СПб., 1913).

V класс – Гай Юлий Цезарь. Записки о галльской войне. Кн. I (СПб., 1914).

VI класс – Марк Тулий Цицерон. Речь против Катилины. (Пг., 1916) и Тит Ливий. Кн. I, период царей (Пг., 1916).

Vestibulum linguae latinae.

ГРАММАТИКА И ХРЕСТОМАТИЯ.

Начальный учебник латинского языка

для гимназий и прогимназий

применительно къ действующимъ учебнымъ планамъ.

СОСТАВИЛИ

Е. Арбатскій и К. Тюленевъ.

Съ 49 рисунками.

С-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣдѣнiе“,
Лѣтвѣвскій просп., соб. д. № 75.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНИЕ
ГРЕЧЕСКИХЪ И РИМСКИХЪ КЛАССИКОВЪ
СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ,
ИЗЪ РЕДАКЦІИ
ЛЪВЪ ГЕОРГІЕВСКАГО И СЕРГІЯ МАШТЕЙНА.

М. ТУЛЛІЙ ЦИЦЕРОНЪ.

РѢЧЬ ПРОТИВЪ ВЕРРЕСА.

У КНИГА:

О КАЗНЯХЪ.

СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ, ПРИМѢЧАНІЯМИ, 9 РИСУНКАМИ
И
КАРТОЮ СИЦИЛІИ.

СЪЛАВЕНСКОЕ
ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ЦЕНТРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ, БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ.

Часть I. Текстъ.

Цѣна за обѣ части съ переплетомъ 1 рубль.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Волкова, Садовая 60 (уг. Б. Пѣвчешской).
1915.

ТИТЪ ЛИВІЙ. ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

Избранныя мѣста изъ книгъ XII—XIII

съ введеніемъ, словаремъ собственныхъ именъ,
объяснительными примѣчаніями, планами сраженій
и картами.

СОСТАВИЛИ

Ст. И. Гинтовъ, А. І. Маленинъ,
Оружейный Инженеръ Московскаго Императорскаго
Учебнаго Окружа, Проф. Императорскаго Историко-
Филологическаго Института.

Издание С. А. Маштейна, второе, безъ перемѣнъ.

Часть I. Текстъ, словарь собственныхъ именъ, планы
сраженій и карты.

Цѣна за обѣ части съ переплетомъ, форматъ 1 р. 10 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Волкова, Садовая 60 (уг. Б. Пѣвчешской).
1915.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНИЕ
ГРЕЧЕСКИХЪ И РИМСКИХЪ КЛАССИКОВЪ
СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ,
ИЗЪ РЕДАКЦІИ
ЛЪВЪ ГЕОРГІЕВСКАГО И СЕРГІЯ МАШТЕЙНА.

М. Туллій Цицеронъ.

РѢЧИ ПРОТИВЪ КАТИЛИНЫ

СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ, ПРИМѢЧАНІЯМИ, 7 РИСУНКАМИ,
ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ КАРТАМИ И ПЛАНАМИ РИМА
И РИМСКАГО ФОРУМА.

СЪЛАВЕНСКОЕ
И. НЕТУШИЛЪ,
ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ЦЕНТРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА.

ИЗДАНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ, ПЕРЕСМОТРѢННОЕ.

10-е изданіе было дополнено Ученымъ Комитетомъ Мѣх. Нар. Просв.
въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій.

Часть I. Текстъ.

Цѣна за обѣ части съ переплетомъ 1 рубль.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Волкова, Садовая 60 (уг. Б. Пѣвчешской).
1916.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНИЕ
ГРЕЧЕСКИХЪ И РИМСКИХЪ КЛАССИКОВЪ
СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ,
ИЗЪ РЕДАКЦІИ
ЛЪВЪ ГЕОРГІЕВСКАГО И СЕРГІЯ МАШТЕЙНА.

ГОРАЦІЙ.

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ I.

ОДЫ И ЭПОДЫ.

СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ, ПРИМѢЧАНІЯМИ И 17 РИСУНКАМИ.

СЪЛАВЕНСКОЕ
С. А. ШЕВЪРЪ,
С. ШЕВЪ, ПРОФ. ИМПЕРАТОРСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

ИЗДАНИЕ ДВУДВУХЪ,
БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ.

Въ изданіи дополнено Ученымъ Комитетомъ Мѣх. Нар. Просв.
въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій.

Часть I. Текстъ.

Цѣна за обѣ части съ переплетомъ 1 рубль.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Трѣвѣ и Фиссѣ, Мясницкая 18/19.
1915.

VII класс – Гораций. Избранные стихотворения (Пг., 1915) и Тит Ливий. Вторая пуническая война (Пг., 1915).

VIII класс – Марк Тулий Цицерон. Речь против Верреса. V кн. (Пг., 1916).

Преподавателем латинского языка был у нас Зееберг фон Эльферфельд. Нам было известно, что он долго добивался приставки к своей фамилии «фон Эльферфельд», и мы приписывали это его честолюбию. Зееберг был живой, эмоциональный немец, вспыльчивый, но не злобный. Он благосклонно относился ко мне, но безотчетное, интуитивное чувство, которое я не могу объективно обосновать, говорило мне, что он – человек касты и в дни национальной катастрофы оказался бы в лагере расистов. Да простит мне его тень, если я ошибаюсь.

Как учитель Зееберг был профессионал: он давал знания не из любви к предмету, а как специалист немецкой складки, зато сам предмет, если иметь в виду сочинения римских историографов и поэтов, мог оставить равнодушным только лентяя или законченного шалопая. Судьба привязала меня именно к одному из таких юношей: это был Рудольф Зукко, или просто Руди, идеал моей старшей сестры. Выше среднего роста, приятной внешности, этот эlegantный немецкий юноша пленил меня такими чертами, которыми я сам не обладал, но очень ценил в других: мужеством, физической силой и, как

ни странно, тем, что он узнал женщин уже будучи в 7-м классе. Зукко не хвастал своими победами, да и хвастать было нечем, так как его знакомства с женщинами были более чем банальны: он покупал «любовь». Он не распространялся об этой стороне своей жизни, но и не скрывал ее, а мне она представлялась тайной, одновременно и отталкивавшей, и притягивавшей меня. Но так как я видел в женщине нечто возвышенное, недоступное и святое, то это окружало Зукко неким ореолом в моих глазах. Я любил его, пожалуй, был даже влюблен в него, приходил к нему на дом и готовил его к контрольным работам – *ex temporalia* – по латинскому языку. Так вот Зукко, например, не увлеклся Горацием и Овидием

или римской историей, а я писал стихи, если только уместно так называть мои юношеские опыты, переводил размером оригинала стихи Горация. Работа с Зукко шла на пользу мне самому, и я на всю жизнь сохранил любовь к римским поэтам и кое-что запомнил наизусть. Сохранил интерес и к римским историкам.

В нашем классе учился сын Зееберга Фридрих, недоразвитый, тупой мальчик. Не могу сказать, чтобы он мне нравился, но я водился с ним, может быть, потому, что другие мальчики с ним не дружили. К моему удивлению, отец Зееберга поощрял встречи сына со мной, несмотря на то, что я не принадлежал к тому разбору людей, с которыми ему пристало вести общество. Зееберг-отец пригласил меня однажды к себе домой для общения с сыном, а я, с разрешения родителей, пригласил Фридриха к себе. Его неловкость и смущение при встрече с моими родителями были так велики, что он поцеловал руку вместо мамы моему отцу. Папа очень находчиво обнял мальчика и, смеясь, поцеловал его в голову. Как бы там ни было, если я сохранил на всю жизнь интерес и любовь к римской культуре, поэзии, прозе, историографии, то должен за это благодарить Зееберга фон Эльферфельда.

Окончание
в следующем номере

⁶ Классы у нас назывались так: Prima, Secunda, Tertia, Quarta, Sexta, Septima, Oktata. (Прим. авт.)

⁷ ферула (*ferula*, лат.) – прут, розга. (Прим. авт.)

⁸ На книжке, хорошо сохранившейся, виден штампель книжного магазина «Eggers und C^o, St. Petersburg – Moika, 42, bei d. Polizeibrücke». (Прим. авт.)

⁹ «Юмать – (новг.-череп.) думать, раздумывать, размышлять, рассуждать про себя. Юмала, юмала – да и раздумала» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб, 1882. Т. 4. С. 667). Значение второй части приговора загадочно: пергала – черт (фин.), а также обращение в XIX в. к «чухонским» крестьянам. Ср.: «Понравился конь у крестьянина: "Пергала! меняй свою лошадь на мою кривую собачку!" – "Батюшка барин, мое ли дело охотиться – а без коня куда я гоюсь!"» (Бестужев-Марлинский А. Кровь за кровь. http://books.rus.ru/unzip/add-on/xussr_av/bestua12.htm?1/3). Кроме того, пергала (пергола) – садовое легкое сооружение, увитое зеленью.

¹⁰ Борис Яковлевич Ионас – доктор экономических наук, профессор Государственного университета управления (Москва), заслуженный деятель науки РСФСР, автор многочисленных работ и учебников по экономике строительства.

¹¹ Аптекарский магазин Я. В. Ионаса, по устному свидетельству автора воспоминаний, находился в доме № 40 по 7-й линии В. О.

¹² Вернадский В. И. Страницы автобиографии. М., 1981. С. 94. (Прим. авт.)

¹³ Christian Ostermanns Lateinisch Übungsbuch. Leipzig: Berlin, 1910. «Buchhandlung Eggers und C^o. St. Petersburg – Moika, 42, bei d. Polizeibrücke». (Прим. авт.)

¹⁴ Holzweissig. Latein. Schulgrammatik. Hannover, 1912. Часть учебных книг, главным образом немецкоязычных, приобреталась, как показывает штампель книжного магазина, у Эггера, кое-что у Риккера, Невский, 14, остальные в русских книжных магазинах: Д. П. Богданова, В. О., Средний пр., д. 17; «Естествоиспытатель», В. О., Средний пр., д. 9; И. Г. Коровкина, В. О., 7-я линия угол Большого пр.; книжный и бумажный магазин М. М. Егорова, В. О., Андреевский рынок, № 32. В этом магазине я приобрел в 1912 г. великолепный латинско-русский словарь Г. Шульца с вариантами фразеологии (606 с.). (Прим. авт.)

Немецкая школа*

Очерк

В. Я. Ионас

ПЕРЕФЕРКОВИЧ

Почему учитель еврейского языка, приглашенный в нашу школу преподавать и язык, и Закон Божий, должен был непременно сойти со страниц рассказов Шолома Алейхема? Видимо потому, что Шолом Алейхем хорошо знал свой народ и не ошибся в его изображении. Действительно, Переферкович был забавен, как и его фамилия, не смешон, а забавен. Пригласили его в нашу школу по просьбе родителей еврейских учеников. Ведь изучали же немцы и русские Закон Божий и родной язык! Занятия наши носили групповой характер, и хотя Переферкович преподавал у нас раз в неделю каких-нибудь два года (3–4-й классы), но я успел за то время научиться читать и писать по-древнееврейски и выучить некоторые древнееврейские молитвы. Забавен же он был своей манерой вести урок и характерными еврейскими интонациями, хотя говорил по-русски чисто и без национального акцента. Переферкович производил впечатление еврейского ученого¹⁵, носил черный сюртук, был хорошего роста, статен, чистоплотен. А манеру ведения урока можно иллюстрировать простым примером. Если на уроке «всплывало» какое-нибудь не часто упоминавшееся слово, скажем, арбуз (я запомнил эту мизансцену), то Переферкович с комически значительным видом спрашивал нас: «А вы зна-аете, что такое арбуз?» Если я, положим, поднимал руку, то Переферкович с выражением радости на лице показывал на меня указательным пальцем и торжественно нараспев говорил: «Смотрите на челове-ека, который зна-ает, что такое арбуз».

К сожалению, мне больше нечего сказать об этом представите-

В. Я. Ионас. 1918 г.

ле моего народа, оставившем о себе приятное воспоминание чего-то легкого, забавного и простодушного, не лишеного лукавства.

ГИМНАСТИКА

Этот предмет преподавал у нас Herr Schlupp (господин Шлюпп). Участник злополучной Русско-японской войны, на которой он получил ранение, Шлюпп привлекал нас не только самим предметом преподавания, но и своим мягким характером, и рассказами о войне. Спокойный, участливый, общительный, он выводил нас со звонком к началу урока в гимнастический зал. Надев легкие спортивные туфли, мы шли тихо по коридору, заглядывая через застекленные двери в другие классы, мимо которых мы попарно маршировали. Повернувшись к нам лицом и пятясь задом, милый Шлюпп, возглавлявший колонну, поднимал руку

и подавал знак к тишине, чтобы мы не мешали урокам в других классах. В нашем Turnsaal он становился к шведской стенке и деревянными булавами отбивал по военному барабанную дробь по одной из ее ступенек. Мы шли цепочкой, расходились по одному вправо и влево, сходились уже парами, снова расходились, теперь уже попарно, и, наконец, выстраивались по четверо. Гимнастические упражнения делались на следующих снарядах: шведская лестница, шест, козел, конь, шведский стол, параллельные брусья, турник, трапедия и кольца.

Так как я был ростом меньше всех, не считая Данскера, то взяв высоту «козла» (нечто вроде коротенького отрезка от «бревна» на четырех ногах, расходящихся под тупым углом в стороны) в его самом верхнем варианте мне не удалось, и я застревал на нем в отличие от наших верзил. Это был единственный вид упражнений, в которых я от них отставал, в то время как опережал их во всех остальных, за что и считался первым гимнастом в классе.

В 1912 году все школы Петербурга выстроились в Царском Селе на плацу перед дворцом и в присутствии царя Николая II со свитой показали вольные упражнения. Приняв наш гимнастический парад, Николай II сфотографировался с нами. Фотография большого формата, на которой я мог различить себя и моего двоюродного брата из St. Petrischule, у меня пропала, к сожалению.

ИГРЫ

В младших классах нашей любимой игрой была игра в перышки. Писали мы стальными перьями, вставлявшимися в деревянные

* Окончание. Начало в № 1 (29) – 2 (30) за 2006 г.

ручки, которые в то время назывались вставочками. Правила игры были следующие. Перо клалось на брюшко спинкой вверх. Другим пером надо было легким ударом или нажатием на тупой конец лежащего пера перевернуть его на спинку. В случае успеха перевернутое перо поступало в пользу удачливого игрока и пополняло его коллекцию.

Во время перемены в зале шло сражение всадников: одни мальчики играли роль коней и брали себе на спину других. Затем происходил турнир наездников, которые должны были, когда кони сшибались, стащить «с коня» противника.

Третий вид игры – всем известная чехарда.

Четвертый – игра в казаки-разбойники. В саду – это происходило в Соловьевском саду – выбиралась широкая аллея, поперек которой в середине проводилась черта. На ней ставился «казак». Другие участники игры – «разбойники» – должны были с разбегу перебежать через черту. Если казак удавалось задержать одного из разбойников, тот становился рядом с ним на черту, и так до тех пор, пока не будут изловлены все разбойники.

Все эти игры практиковались в младших и средних классах.

Пятый и наиболее любимый вид игры был, конечно, футбол, ему были покорны все возрасты. Мальчики становились в шеренгу, из которой два постоянные капитана, наши лучшие футболисты Зукко и Шауб, выбирали себе команду, вызывая по очереди из шеренги тех, кто больше всего их устраивал. Данскер и я были самые маленькие ростом и потому наименее результативные игроки, так как более высокие и смелые противники сшибали нас, поэтому мы оказывались hors de concours¹⁶ в обратном смысле – мы доставались капитанам напоследок. Названия игроков были тогда: голкипер (вратарь), бек (защитник), хавбек (полузащитник), форвард (нападающий). В ходу был термин «офсайд»¹⁷. Вместо «пенальти» мы говорили «пендель». «Мы им «наклепали» – на нашем жаргоне означало, что мы победили. В устах Данскера или моих это звучало смешно («мы пахали»).

ЧТО ДАЛА МНЕ НЕМЕЦКАЯ ШКОЛА

Начну с того, что я считаю главным приобретением: школа заложила в меня, я бы сказал, «механизм» *построения* собственной жизни, рычагами которого являются осознание цели, достойной устремлений, и организация средств, необходимых для достижения поставленной цели. Говоря об организации средств, я имею в виду *план* жизни и понимание его необходимости. Римляне вложили эту мысль в афоризм, запомнившийся мне в числе других ценностей духовной культуры этого народа, с которыми меня познакомила школа. Вот он: *Quidquid agis, prudenter agas et respice finem* – что бы ты ни делал, делай разумно и не упускай из виду цели. Начало построения плана жизни может оказаться неустойчивым, как это было у меня, но построение начинается с поисков и завершается нахождением цели жизни. Это длительный процесс для одних и короткий для других. Объективные обстоятельства могут нарушить твои начинания, но плановое начало обладает постоянством, в его основе заложена способность активной перестройки целевых устремлений в пределах твоих интересов и способностей. Органичная плановая конституция личности позволяет ей в условиях перестройки не только продолжать планомерное строительство жизни, но и получать удовлетворение от этого.

Итак – план жизни.

Второе, что воспитала во мне немецкая школа, – это дисциплина и любовь к порядку. Дисциплина во всем: в жизни, научной работе, чтении, дружбе, распорядке дня, переписке с корреспондентами. Дисциплина и обязательность. Что касается любви к порядку, то я до сих пор не могу забыть, как низко пала в моих глазах моя приятельница – утонченный интеллектual – после того, как гуляя со мной в Ботаническом саду, закурив папиросу, бросила спичку прямо на аллею. А тому прошло уже около 50 лет. Надо ли говорить, как страдает мое чувство порядка при виде наших улиц, газонов и садов, засоренных окурками и бумажками.

Третье – самостоятельность мысли. Главная заслуга в этом принадлежит незабвенному Георгию Титовичу Синюхаеву. Писание рефератов, их чтение пред классом, обсуждение наших незрелых мыслей, желание извлечь из себя что-то оригинальное и не показаться ничтожеством, непринужденность предлагавшихся решений была прививальной бабкой моей мысли.

Школа дала мне, в-четвертых, систему знаний. История России и ее культуры, история Германии и культуры немецкого народа отложились в моей памяти не в виде разбросанных эпизодов мировой истории, а как органический сплав европейской культуры. Правда, здесь я должен оговориться, что в образовании этого сплава сказались и мои последовательные занятия в этой области, но без школы они бы не состоялись, интерес к ним, инерция познания даны мне были школой.

Результатом того была, в-пятых, ассимиляция высших достижений русской и немецкой культуры, построенных на прочном фундаменте греческой и римской древности, с их возвышенным взглядом на мир и место человека в нем.

ОЦЕНКА ШКОЛЫ

В упомянутом ранее стихотворении, отправленном мною директору школы М. Д. Могилянской Николаю Васильевичу Балаеву, я назвал себя пасынком немецкой школы. Теперь, спустя почти семьдесят лет (я был тогда в 6-м классе), я воскрешаю в памяти моих школьных учителей и порядки, царившие в школе. Что я теперь могу сказать об этом?

Мои учителя делятся явным образом на четыре разряда. К первому относятся желчные, злые чиновники Кругсен и Коппэ. Ко второму – сухие, строгие Фельдман и директор Пантениус. К третьему разряду я отношу добродушных и благожелательных Орэ, Гессельбарта, Шульца и Шлюппа. К четвертому – выдающихся педагогов Генкеля, Синюхаева, Струве и Штыльмарка. Латинист Зееберг помещается между вторым и третьим разрядом.

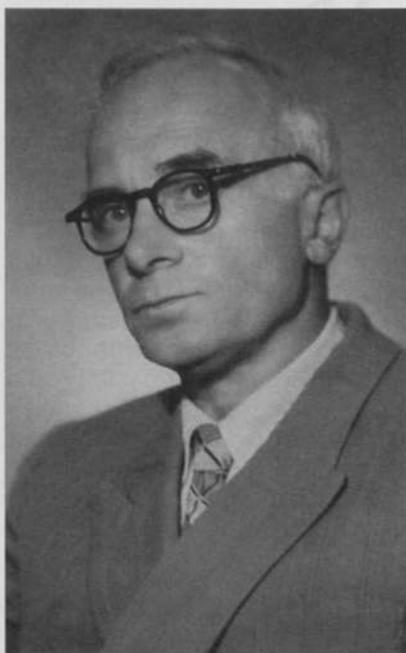
Для сравнения вспомним теперь описания немецкой школы

второй половины XIX века, сохранившиеся для нас в романе Томаса Манна «Будденброки» и повести Германа Гессе «Под колесами».

Томас Манн описал, очевидно, школу в Любеке, где он учился на исходе XIX века. У меня сохранился отличный школьный географический атлас «Andrees Schulatlas», изданный в 1910 году ректором университета в Берлине Паулем Белларди (Paul Bellardi). Если принять во внимание, что в 1910 году вышло уже 56-е издание того атласа, то можно допустить, что по предыдущим изданиям учились и в Любеке времен Томаса Манна. На 16-й странице атласа мы узнаем, что Любек находится в прусской провинции Шлезвиг-Гольштейн, главным городом которой был Гамбург. Города провинции делились на пять разрядов, и если к первому разряду относились города с населением свыше 500 000 человек (Гамбург), то ко второму – с населением от 100 000 до 500 000, и в их числе Любек. Таким образом, школу, о которой писал Манн, хотя и нельзя считать столичной, приходится тем не менее признать представительной для Пруссии. В каком же виде представлена перед нами прусская школа конца XIX века? Это какое-то темное царство без луча света. Директор и преподаватели школы – карикатурные представители системы «прусской субординации» (по терминологии автора), чиновники – подхалимы и карьеристы.

А как выглядела школа в повести Гессе? В сущности говоря, Гессе описал не среднюю нормальную школу в нашем понимании, а семинарию, духовную семинарию с «муштрой казармы». Семинария, описанная Гессе, предназначалась для воспитания чиновников государственного аппарата и клерикальной системы, что достигалось изощренной казарменной муштрой.

Похожа ли St. Katharinen Schule на одно из этих заведений? Решительно не похожа, даже отдаленного сходства нет. Кроссен и Коппэ – и те стоят выше прусских школьных чиновников времен повести Томаса Манна, к тому же иногда еще и невежественных. А школа в повести Гессе – это какой-то зас-тенек, в котором калечились души

В. Я. Ионас. 1960 г.

юношей, доводимых иногда до самоубийства. Как же случилось, что я назвал себя пасынком своей школы? А случилось это потому, что я неправомерно сравнивал школы, относившиеся к разным видам учебных заведений. Во-первых, недопустимо сравнивать мужское училище с женским, так как последнее имеет дело с другим человеческим материалом. Во-вторых, в частных гимназиях порядки были более либеральные, чем в государственных.

Да и вообще, романтически настроенный юноша, мечтавший о сердечных, теплых отношениях с преподавателями, требовал от мужской гимназии больше того, что она могла дать. Наконец, будучи в шестом классе, я видел школу так, как видят незаконченную картину, да еще и с близкого расстояния. Должно было пройти много лет, прежде чем я сумел правильно оценить то, что дала мне школа, оценить по достоинству и почтенную фигуру ее директора – Генриха Пантениуса.

Остается еще один аспект, на котором я считаю нужным остановиться: можно ли было в петербургской немецкой школе начала XX века заметить намек на немецкий шовинизм или те расовые предрассудки, которые привели позднее к роковым событиям гитлеризма?

Отвечаю: нет, ничего такого заметить было нельзя. Лакмусовой бумажкой может служить отношение нашей школы к евреям. В самом деле: Данскеру, мальчику из бедной еврейской семьи, была предоставлена вакансия стипендиата школы, его родителей освободили от платы за обучение. Зееберг фон Эльферфельд, представитель немецкой элиты, благодетельно относился к дружбе сына со мной. Директор Пантениус был ко мне внимателен. Переферкович преподавал у нас факультативно еврейский язык. От моей кузины Ф. М. Хазанович, учившейся тремя классами старше в St. Petri Schule, я знал, что и там дело обстояло точно так же, как у нас. Во главе школы стоял высокообразованный и культурный директор Брокк. И тем не менее я не могу не задуматься над вопросом, почему же у меня вырвалось слово «пасынок». Это ведь не случайность, здесь что-то есть. Что именно? Преувеличение? Но в таком случае, что именно я преувеличил? Вдумываясь в этот вопрос – почему ученик образцовой немецкой школы был неудовлетворен ею – я отвечаю себе другим вопросом: что меня привлекло в Школе М. Д. Могиланской? Сомнения быть не может, я писал об этом в той части стихотворения, которую не мог процитировать выше, так как текст его забыл, но смысл помню: атмосфера добра, вот что привлекло меня и чего не было в моей школе. Немецкая школа дала мне отличную *информацию*, знания. Классики великой русской и немецкой литературы пробуждали в нас своей «лирой» «чувства добрые». Начало этому было положено А. С. Пушкиным и теми, кого он вызвал к жизни на литературном поприще. И Гете писал, что «человек должен быть благородным, отзывчивым и добрым». Одной такой «информации» ученику мало, он должен видеть таких людей среди своих воспитателей, которых мы называем учителями. Учить не означает преподавать знания, учить означает воспитывать. В немецкой школе прекрасно учили, но воспитание человеческих душ в духе заветов наших Учителей отсутствовало. Я нашел это в школе

М. Д. Могиланской. Г. Т. Синюхев – исключение. Даже в том, что он в «наказание», задуманное Пантениусом, предложил нам сочинение на тему о том, какую роль в жизни человека играет стадное чувство, даже в этом сказался его такт воспитателя. Ведь тема эта – глубокая нравственная тема, кото-

рую он предложил нам для *размышления*, и я навсегда остался ему благодарен за это.

Вот и кончился мой очерк, и если кем-то верно было сказано, что «и в конце пребывает начало», то я должен сказать, что в конце моей жизни пребывает моя школа,

приобщившая меня к Культуре Человечества.

Если в моем очерке окажутся фактические неточности, я заранее приношу извинения читателю, за давностью лет я мог невольно допустить их.

Подготовка текста, комментарии Н. В. Скворцовой.

¹⁵ Более чем вероятно, что преподавателем был Наум Абрамович Переферкович (Перферкович, 1871–1940), выпускник восточного факультета Петербургского университета, автор известнейшего перевода на русский язык «Талмуда», вышедшего с 1897 по 1911 год двумя изданиями. Кроме многочисленных научных и публицистических работ Переферковичу принадлежит также трехтомный «Учебник еврейской религии для средних учебных заведений» для еврейских детей, посещавших русские средние школы (1-е изд. – 1912 г.; 2-е издание – 1915–1916 гг.). См.: Львов А. «Талмуд» Переферковича: автор, читатели, текст // Сетевой альм. Еврейская старина: Прил. к сетевому журналу «Заметки по еврейской истории» / ред. Евгений Беркович: [Электронный ресурс] (<http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer18/Starina18.htm>)

¹⁶ Вне конкурса (фр.)

¹⁷ Положение вне игры. – Ред.

Ленинград 1925–1932 годов.

Воспоминания*

А. И. Картус

1929 год

По мере взросления я стал меньше ходить и ездить по городу и больше времени проводить на заводе.

Примерно в марте 1929 года произошло событие, в котором мне довелось участвовать. На первый взгляд местное, оно вызвало новое общественное явление в стране. На заводе «Красный выборжец» состоялось общее собрание партактива, рабочих и инженерно-технического персонала. Директор завода Вальшев докладывал об итогах работы и успехах предприятия за 1928 год. Одним из достижений коллектива было снижение себестоимости продукции на 14 процентов (не знаю, за год или квартал). После выступления специалистов и рабочих в прениях собрание приняло резолюцию, главным пунктом которой было: вызвать все предприятия Советского Союза на социалистическое соревнование, снизить себестоимость продукции.

Я, конечно, был доволен как комсомолец и патриот завода этим

успехом и предложением. Резолюция была принята единогласно. Правда, собрание проходило в маленьком заводском клубе, в зале вместимостью человек триста. Но я, как и все собравшиеся, не представлял, что мы присутствовали на историческом собрании. И действительно, через день резолюция красновыборжцев была напечатана в ленинградских газетах, а дня через два их вызов был опубликован в центральной «Правде». А потом по стране он вызвал бурные отклики. Соцсоревнование охватило все отрасли народного хозяйства, людей умственного труда, армию и даже заключенных, чему осталось множество свидетельств; оно стало обыденным делом.

С годами в социалистических соревнованиях появились искривления, они часто становились добровольно-принудительными. Особенно формальными они стали между целыми отраслями и областями. Что делать – не все люди обладают чувством меры, были и дураки, в том числе и в компартии.

А вот внутри завода оно было поддержано искренне. Бригадир трубопрокатчиков Михаил Путин составил первый договор о соцсоревновании с соседней бригадой и стал примером для тысяч его последователей. Скромный и простой мужик Путин не думал не гадал, что станет известным на всю страну и кавалером ордена Ленина. В последние годы моей работы на заводе он был председателем завкома, и я тогда гордился своим знакомством с ним.

В 1929 году закончилась моя учебная программа в ФЗУ, и я перешел на годичную стажировку в прокатный цех на полный семичасовой рабочий день. Меня назначили подручным на холодный прокат латунных листов толщиной от 2 до 0,2 мм.

Листы подвозили партией в 1–1,5 тонны на ручной тележке после обжига в печи, и были они мягкими, вялыми. Сложены они были пачками и так подавались в валы прокатного стана (вальцы). Вальцовщиком у нас был старый рабочий еще со времен Розенкран-

* Окончание. Начало в № 1 (29) – 2 (30) за 2006 г.